

Поэтому возникает вопрос: живой ли осталась эта традиция и могла ли она оказывать какое-либо влияние на Шпилькера? В соответствии с этой традицией в годы пребывания Шпилькера в Галле по-прежнему притягивал студентов из России, Польши, других славянских или балтийских стран. Так, вместе со Шпилькером учились О. Баркхуйзен из Москвы (возможно, сын проповедника лютеранской церкви И. Г. Баркхуйзена) и Петр Мюллер (Миллер), также москвич и, вероятно, сын Петра Мюллера старшего, учившегося в Галле же с 1700 г., позже информанта А. Г. Франке. Знаменитейшим «русским», однако, в то время (1729–1735) был С. Тодорский, с которым Шпилькер безусловно, встречался на совместных филологических занятиях. Тодорский, студент и сотрудник Франке, переводил и печатал на русско-украинско-церковнославянском языке пиетистские произведения в Галле (1735). Он не только изучал вместе со Шпилькером латынь и другие иностранные языки, но и сам преподавал в Галле русский язык. Когда позже (1751) Шпилькер говорил о своих «верных друзьях, понимающих русский язык»,¹¹ с которыми он советовался, работая над переводом «Сатир» Кантемира, то, возможно, знакомство с ними восходило ко времени учебы в Галле. Сам Шпилькер к этому времени вполне сумел оценить значение иностранных языков, о чем свидетельствует его труд «Преимущества великих умов от основательного знания разных языков» («Die Vortheile großer Geister aus der gründlichen Erkenntnis verschiedener Sprachen», Königsberg, 1751). Решение переводить русского сатирика Кантемира с французского языка на немецкий, безусловно, появилось в 1751 г. под влиянием И. Хр. Готшета, но интерес к русскому языку несомненно возник у Шпилькера раньше, в особой атмосфере школьных и студенческих лет, проведенных в Галле.

Значение русского языка

До конца XVII столетия «ученая республика» Германии говорила и писала исключительно по-латыни. Следствием формирования национального самосознания к исходу века стало применение в научном обиходе родного немецкого языка Томазием, Вольфом, Франке и др. За применение немецкого языка как языка науки, журналистики и литературы ратовали галльские ученые и в следующие десятилетия (Хр. Миlius, И. А. Крамер, И. А. Эбергард и др.). Замена латыни немецким длилась несколько десятилетий.

Другим значительным явлением в научной жизни Германии было быстро зреющее в начале века стремление к овладению

¹¹ *Graßhoff H.* Russische Literatur in Deutschland. . . S. 175.